

МАССОВАЯ ЛИТЕРАТУРА КАК СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

Т. Г. Струкова

Воронежский государственный педагогический университет

Поступила в редакцию 15 сентября 2017 г.

Аннотация: *в статье рассмотрены проблемы массовой литературы как многозначного культурного и социального феномена, отражающего стереотипы современного общества и формирующего горизонт ожидания читателя.*

Ключевые слова: *массовая (популярная, жанровая) литература, формульный роман, стереотипы, симулянтная реальность.*

Abstract: *the problems of mass literature as a multivalued cultural and social phenomenon which reflects the stereotypes of the contemporary society and forms the expected horizon of a reader have been considered.*

Key words: *mass (popular, genre) literature, formula novel, stereotypes, simulated reality.*

В настоящее время всё очевидней становится специфическая роль популярной литературы, которая отражает современное массовое сознание. Человеческая психология не успевает за стремительно изменяющейся средой обитания, люди сверх меры перегружены информацией, они физически устают от бесконечного потока новостей. Как отмечал К. Ясперс, нынче искусство «становится функцией <...> существования, оно в качестве предмета развлечения приближается даже к спорту» [1, с. 368]. В свою очередь, М. Фуко считал, что память массовой культуры создается искусственно. Народная память стирается безвозвратно, а массовая культура бесконечно множит знаки-симулякры, провоцирует ощущение бессмысленности бытия. Людям навязывают не ту реальность, которая на самом деле была и которую они в действительности проживали, а ту, какую они должны в данный момент помнить, что, несомненно, приводит к постоянному переписыванию истории и манипулированию коллективным сознательным и бессознательным.

Еще в первой половине XX столетия О. Хаксли писал, что из массового сознания почти совсем исчезают литературные «образцы интернациональной значимости» [2, с. 223]. Внешние реалии, отраженные литературой XVIII–XIX вв., настолько не совпадают с техническими и информационными новшествами XXI столетия, что чтение классического текста превращается в нелегкий труд и требует от читателя изысканий в области истории, этнографии, географии, идеологии прошедших времен.

Британский литературовед Терри Иглтон писал: «Массовая» культура <...> есть результат особой индустриальной стадии, когда производ-

ство организуется в большей степени для получения прибыли, нежели для пользы. <...> Без сомнения можно утешать себя ощущением, что, читая Генри Джеймса, человек принадлежит к нравственному авангарду цивилизации; но как быть с теми людьми, которые не читали Генри Джеймса <...> *Эти люди, несомненно, составляют подавляющее социальное большинство* (курсив наш. – Т. С.). <...> Многие из этих людей выглядят нравственными и достаточно чувствительными. Они не демонстрируют никакого особого намерения убивать, грабить и воровать. И даже если они все это делают, явно неправдоподобно приписывать их действия тому факту, что они не читали Генри Джеймса» [3, р. 34–35].

Сегодня массовая литература отражает эскейпистские переживания человека постиндустриального общества, его желание уйти в блистательный вымышленный мир, который полон накала страстей, высокой романтики отношений, и дает человеку возможность побыть не собой, а кем-то еще. В «эру разрушения» индивидуум может ощущать себя настоящим героем, любимым, победителем только в симультантной реальности.

Массовая литература идеологически нагружена, она не только соответствует «горизонту ожидания» (К. Х. Яусс) читателя, но и формирует его по заранее определенным параметрам. «Культовая проза, – писал К. Блум, – это исследование <...> массового сознания, изучение природы современного мышления и теории его отражения в искусстве и в жизни. Жестокие, эротические и сентиментальные излишки нынешней жизни демонстрируют различные аспекты современного опыта, выдохнутого на кричащих страницах сенсационной и китчевой литературы: в романах, комиксах, таблоидах» [4, р. 3].

В западной культуре изучением массовой литературы занимались философы, социологи, психологи, исследователи в области масс-медиа, хотя и там ученые больше уделяли внимания ее идеологичности, психологическим стратегиям в духе З. Фрейда, проблемам наркотизации сознания масс. В 60-е гг. XX в. массовая литература стала превращаться в объект серьезного исследования с точки зрения как эстетики, так и антропологии (см: J. Barzun & W. H. Taylor «A Catalogue of Crime»; J. Symons «Mortal Consequences: A History from the Detective Story to the Novel»; J. G. Cawelti «Adventure, Mystery, and Romance. Formula Stories as Art and Popular Culture»). Позднее предпринимаются попытки вычленивать внутри корпуса массовой литературы ту прозу, которая ранее именовалась «belle letter», и ту, которая нынче называется «trash literature» (С. Bloom «Cult Fiction. Popular Reading and Pulp Theory»).

Многие новые жанровые образования возникают на периферии, в своеобразных маргинальных нишах, которые до поры до времени не считаются литературным «верхом», а потому жесткая эстетическая иерархия не способствует пониманию возможности смены статуса произведения, считавшегося до какого-то момента «легким». Процесс обмена жанрами, стилевыми находками, темами обоюден для элитарной и массовой литературы. Постмодернизм, заявив о себе как о всеобъемлющем

направлении в искусстве второй половины XX в., настаивал на «засыпании рвов и переходе границ» (Г. Фидлер) между разными уровнями литературы. Писатели-постмодернисты виртуозно соединяли повествовательные дискурсы из разных литературных пластов. Они мистифицировали читателя, пряча в привычной и легко узнаваемой форме, к примеру, триллера, новое содержание, основным пафосом которого являлась ирония по отношению к «изношенным» жанровым моделям и к собственному тексту.

В настоящее время наблюдается еще один интересный феномен: если в XX в. утверждалось, что массовая литература есть эстетическое недоразумение, то сейчас с не меньшим пылом утверждается, что «массовая литература существовала всегда, хотя могла называться и пониматься по-разному» [5, с. 204]. Правда, исследовательница изящно обходит сам вопрос о возникновении и распространении массовой литературы, сделав, как и прежде, упор на расслоении всего корпуса текстов на литературу «низшего качества», и на ту, которая может считаться более «качественной, интеллектуальной» [там же]. Сути дела это не меняет, потому что так и остается извинительным реверансом в сторону «высокой литературы».

В XX в. литература теснейшим образом связана с книгоиздательской индустрией и превращается в товар, который, как и любой другой произведенный продукт, необходимо продать, и потому для того, чтобы найти сбыт, она должна учитывать «горизонт ожидания» не группы интеллектуалов, а миллионов людей. Как отмечают социологи, нынче формульная литература занимает более 90 % литературного потока, что со всей очевидностью фиксирует коммерциализацию книжного рынка.

На поверхности лежат эскейпизм, политический и моральный консерватизм формульной литературы, желание соответствовать и угождать вкусам массового читателя, ориентация на коммерческий успех. Но мы до конца не знаем отдаленных результатов ее воздействия и последствий реализации, например, концепта Золушки или концепта героя. Отечественная гуманитарная наука не располагает на данный момент достоверными изысканиями, способными представить объемную, полную картину того, каким образом массовая литература манипулирует коллективным сознательным и бессознательным и какие новые стереотипы она внедряет.

В конце XX столетия подтвердилось положение Ж. Бодрийара о том, что разрушается казавшаяся устойчивой иерархия эстетического «верха» и «низа». Основным принципом высокой литературы было отсутствие коммерческой составляющей, вернее, произведение, претендующее на роль серьезного, по определению не имело права на коммерческий успех. В середине 80-х гг. XX в. Энди Уорхол сделал то, с чем мы сталкиваемся сейчас, – иметь коммерческий успех, занимать верхние строчки в «коротких и длинных листах» на ту или иную громкую премию стало модным. В массовой литературе наглядно реализуется блестящая метафора Ги Дебора, который говорил, что современное общество – это шоу-мир.

Границы между литературой серьезной для высокообразованных читателей и литературой низовой для бедных, не имеющих за плечами частной школы или университета, рухнули. Книги, ставшие товаром наравне с вещами, продаются по тому же принципу, что и вещи: люди приобретают «имена», и чем имя более маркетингово раскручено, тем больше цена.

Высокая литературная мода, формируемая масс-медиа, значима вроде бы только для массовой литературы, потому что обычному читателю важно ощущать приобщенность к интеллектуальной вершине. Но массовая и элитарная литература нынешнего времени, имея в основе полярные эстетические цели, ориентирована на достижение широкого признания. Постмодернистский роман тоже стремится стать бестселлером, и писатель, исповедующий принципы постмодернистской поэтики, жаждет всеобъемлющего успеха не только у элиты, но и у срединного читателя.

У массовой литературы как культурного и социального феномена есть одна особенность – она невероятно гибка. В ней учитываются все зоны читательских ожиданий – от самого низа до эстетической элитарности. Для одних читателей она реализуется в виде «мусорной литературы» (trash literature), книги срединного уровня благородно именуется беллетристикой, а для интеллектуалов массовая литература может непринужденно мимикрировать под постмодернистский роман. Когда станет модной еще какая-нибудь эстетская новация, массовая литература с легкостью будет ей соответствовать. Массовая литература подобна воде, которая заполняет любую форму.

Хью Холман иронично заметил, что интеллектуалы читают популярную литературу для того, чтобы позабавить себя или узнать что-то новое, но в подобной крамоле они никогда не признаются. Х. Холман четко фиксирует две составляющие подобного типа прозы (отметим, что в популярной литературе их значительно больше): занимательность и информативность.

Занимательность как принцип литературы существует со времен Аристотеля, тогда как информативность была прерогативой новостей, газеты, а сейчас Интернета. Зачастую массовая литература тяготеет к отражению сиюминутных социальных реалий. С этой позиции она обгоняет литературу серьезную и являет читателю более или менее достоверный срез времени, который реализуется в повседневных вещных деталях, в языке. Но при этом конкретное время в формульном романе стремительно перестает быть узнаваемым, события, особенно социально-политические, быстро устаревают. Это, в принципе, происходит с любым репортажем.

Массовая литература многофункциональна, к примеру, если говорить о рецептивной ориентации, то читателю она дарит чувство самореализованности, полного удовлетворения желаний. Роман формульного типа помогает мириться с несправедливостью и жестокостью внешних реалий, что можно рассматривать как компенсацию за долготерпение и

несвободу, так как подсознательные мечты человека жаждут признания в рамках общепризнанной морали. Функционально массовая литература исполняет роль клапана, выпускающего пар социальной агрессии, когда реальное окружение не соответствует идеалу, оно тоскливо, уныло, тяжело, несправедливо и некрасиво. Очень важно то, что формульная литература предоставляет людям игровой полигон для безопасного выхода собственных страстей и эгоизма.

Нацеленность на чтение ради сиюминутного удовольствия, для легкого времяпровождения, для психологической релаксации (что, несомненно, входит в функционал популярной литературы) свидетельствует даже не столько о неприязнательности читательского вкуса или об активном социальном требовании создать иллюзию, в которой читатель восполняет то, что ему недостает в реальной жизни. В массовой литературе находит отражение непростая и, можно сказать, трагическая примета эпохи виртуальной реальности, когда природные катаклизмы, террористические акты входят в дом каждого человека через телевизионную или интернет-картинку. Кадр/сайт/слайд становится самоценным, довлеет над человеком. Люди, ежедневно наблюдая по ТВ/Интернету за страшными событиями, привыкают к катастрофам, и происходит то, что современные психологи называют «банализацией трагедии». Если говорить о жанрах массовой литературы, то подобный феномен наблюдается, к примеру, в крутом боевике или жанрах *action, thriller*, когда леденящие душу события превращаются в шоу.

Массовая литература, бесспорно, одномерна, четко структурирована и в сфере жанра, и в сфере собственной поэтики. Но стоит отметить, что в массовой литературе с конца XX в. начинает проявляться одна интересная особенность: в отличие от прозы, претендующей на статус серьезной/элитарной, популярная литература не акцентирует хаос *fin de sickle*, дело обстоит с точностью до наоборот. Массовая литература стремится преодолеть хаотизацию мира внедрением в читательское сознание непоколебимой веры в победу добра над злом. И, хотя подобный вариант разрешения жизненных коллизий прямолинеен, а зачастую просто иллюзорен, тем не менее, можно с некоторой натяжкой говорить о том, что массовая литература опосредованно воплощает христианскую идею всеобщей справедливости.

В современной формульной литературе отражается подспудное недовольство человека социальными институтами, к примеру, в вестерне или в крутом детективе герой доказывает, что только одиночка способен осуществить настоящее правосудие, тогда как люди, призванные защищать закон и порядок, оказываются бессильными или коррумпированными. Массовая литература способна снижать уровень напряженности между разными группами, гармонизировать противоречия между индивидуальной анархией и коллективистским идеалом порядка. И, наконец, массовая литература помогает читателю легче приспособиться к резкому изменению казавшихся незыблемыми традиций и возникно-

вению новой системы ценностей, что чрезвычайно важно в переломные эпохи, которые переживает общество.

Массовая литература сознательно сориентирована на использование стереотипов, в ней намеренно упрощаются причинно-следственные связи, характер чаще всего тяготеет к шаблону и усиливается роль авантюрной фабулы. В массовой литературе и автор, и читатель знают правила формульной игры: писатель создает такой текст, который нацелен на исполнение желания читателя получить «максимум возбуждения» (Дж. Кавелти) [6]. А читатель знает, что самые головокружительные, опасные приключения ни на йоту не поколеблют его безопасности, что можно считать современной редукцией приема «рассказ у камелька» из романа Д. Дефо «Робинзон Крузо».

Формульная литература отражает определенный этап культуры, который образует особую конвенциональную среду. В этой среде формируются мифы, символы, темы, образы времени. Их изменение, а также порождение следующих мифов, символов, тем, образов приводят к появлению новых жанровых разновидностей, например к сращиванию вестерна с психологической драмой или детектива с любовным романом. Или в основе политического романа может быть детективная интрига, и тогда движение сюжета подчиняется раскрытию политических хитросплетений, исследованию психологических интенций политиков, государственных чиновников, объяснению скрытых рычагов функционирования власти.

Массовая литература претендует на формирование собственного эстетического канона. Псевдодокументализм, стремление убедить читателя в достоверности самых невероятных происшествий характерно чаще всего для детектива и любовного романа. Именно в них отрефлексированы реалии современной жизни, они тяготеют к правдоподобию, что не стоит путать с типизацией. По прошествии времени эти жанры могут восприниматься как своеобразный путеводитель по культурной карте эпохи, потому что они отражают специфику повседневности, быт, языковые особенности определенного периода, детали которого утрачиваются при отсеивании деталей, выходящих за рамки типичного.

Массовая литература дает возможность читателю познакомиться с совершенно другими условиями существования и без малейших усилий перейти в иной социальный статус. В этом симультантном мире бедняк может стать богачом, нувориш может примерить на себя роль нищего; герой может в одиночку победить какую-нибудь мощнейшую разведку мира или на худой конец бандитскую группировку. Рассуждая о русской бульварной прозе конца XIX в., В. Гиляровский с иронией писал, что угольщик желает пожить жизнью маркизы, а маркиза желает узнать, как живет угольщик. По большому счету, ничего не изменилось.

Конечно, можно с легкостью доказать, что только классическая/элитарная литература отвечает на извечные вопросы бытия. И это абсолютно справедливо! Но у этих литературных потоков различные идеологические, философские, эстетические, психологические, культу-

рологические задачи, которые востребуются читателем в разные моменты его жизни.

Очевидная нацеленность массовой литературы на формально-содержательную срединность текста и на срединного читателя иногда воспринимается как «планетарное засилье века толп». Но во многом, как это парадоксально не покажется, бурное развитие массовой литературы на рубеже XX–XXI столетий является закономерным отражением растерянности человека технической цивилизации. Он растоптал одних богов, затем возвел на их место других, а потом низверг и новых. Вдобавок, срединность массовой прозы есть логическое следствие усталости от иронической интерпретации реальности, которая была предложена постмодернистской эстетикой последней трети XX в. Когда человек теряет устойчивые психологические ориентиры, он не стремится иронизировать, а напротив, ищет устойчивости. Во многом это, конечно же, знак кризиса человечества, когда не понятно, как собирать раскиданные камни.

Литература

1. *Ясперс К.* Смысл и назначение истории / К. Ясперс. – М., 1994.
2. *Хаксли О.* Писатели и читатели / О. Хаксли // Иностранная литература. – 1998. – № 4.
3. *Eagleton T.* Literary Theory. An Introduction / T. Eagleton. – Oxford : Blackwell Publishers, 1993.
4. *Bloom C.* Cult Fiction. Popular Reading and Pulp Theory / C. Bloom. – N. Y. : St. Martin's Press, 1996.
5. *Раренко М. Б.* Феномен литературы easy reading и романы Ника Хорнби / М. Б. Раренко // Постмодернизм : что же дальше? (художественная литература на рубеже XX–XXI вв.) : сб. науч. трудов / РАН ИНИОН ; редкол. : Е. В. Соколова, Н. Т. Пахсарьян. – М., 2006.
6. *Cawelti J. G.* Adventure, Mystery, and Romance. Formula Stories as Art and Popular Culture / J. G. Cawelti. – Chicago and L. : The Univ. of Chicago Press, 1976.

Воронежский государственный педагогический университет

Струкова Т. Г., доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, современной русской и зарубежной литературы

E-mail: kaf214@yandex.ru

Тел.: 8(473) 254-44-17

*Voronezh State Pedagogical University
Strukova T. G., Doctor of Philology, Professor of the Russian Language, Modern Russian and Foreign Literature Department*

E-mail: kaf214@yandex.ru

Tel.: 8(473) 254-44-17